

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СОЦИОЛОГИИ

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ЩЕЛКИН

ведущий научный сотрудник
Социологического института РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: evropa.ru@gmail.com

Наука, образование и мы в эпоху «нового прагматизма» и постмодернизма

Наука не только «производительная сила общества», но и способность социума осмысливать «человеческие успехи» с точки зрения таких критериев, как цивилизованность, Humanitas, экзистенциальный смысл, справедливость и проч. Однако сегодняшнее состояние гуманитарных и социальных наук не позволяет им выполнять эту роль в полной мере. Два симптома характеризуют теперешнюю общественную науку и образование: техноцентризм и постмодернизм. Если техноцентризм означает абсурдный «триумф средств над целями», то постмодернизм совершает подмену четких критериев нормы в классической науке на эпистемологический и онтологический релятивизм «постнауки». О социальных последствиях такого релятивизма предупреждали корифеи русской общественной мысли Б. Чичерин, И. Покровский и др.

Ключевые слова: наука, гуманитарные науки, техноцентризм, постмодернизм, образование, Болонский процесс, критическая социология, постмодернистская социология, релятивизм, оппортунизм постмодернистского мышления, И. А. Покровский, Б. Н. Чичерин.

Можно ли опереться на классику социальной мысли, в том числе и российскую?

Едва ли нужно напоминать, а тем более доказывать, что теперешнее социологическое образование испытывает непомерное влияние, по крайней мере, двух факторов, которые многими воспринимаются как явление неизбежное, «естественное» и к тому же вполне удобное и даже модное. Эти факторы суть — постмодернизм и техноцентризм. И хотя оба «агента влияния» имеют разную генеалогию, их кумулятивный эффект достаточно убедителен, чтобы говорить о том, что ход вещей управляется сегодня, если и «культурой», то культурой явно негуманитарной.

Ситуация, порожаемая вышеназванными факторами, выглядит следующим образом. Современное общество характеризуется как «общество, построенное

на индустрии знаний». Но при этом удельный вес «гуманитарного знания» не идет ни в какое сравнение с тем астрономическим объемом «негуманитарного знания», на производство которого мобилизована огромная финансовая, организационная, техническая инфраструктура. И при этом само гуманитарное знание отдано на откуп постмодернизму, который декларировал себя не столько как правопреемника европейской классической культуры, сколько как ее ниспровергателя. Хорошо известны хрестоматийные обвинения, идущие от постмодернистов по адресу философов Просвещения и особенно Гегеля: «универсализм» классики де привел к тоталитарному мышлению и фашистской практике в XX веке. Пафос ниспровержения обрушивается уже и на когнитивный фундамент философских, социальных, исторических наук, на самый инструмент человеческого знания: обобщающие и проникающие в суть вещей логические орудия мышления — понятия и категории, а вместе с ними и формат строгого теоретического исследования — взяты под подозрение и заменяются постмодернистскими «субститутами»: нарративами, кейсами, индивидуализациями, децентрализацией, искусственными гибридными метафорами, деконструкциями, комментаторским потоком авторского сознания и проч. Конечно, «случай с постмодернизмом» можно было бы назвать очередной сменой «ментальной парадигмы», если бы не один принципиальный факт. В социологии постмодернизм не дал ни одной концепции/объяснительной схемы/проекта, которые могли бы быть операционализированы и использованы на практике. Поэтому социальные институты и тренды современного общества приходится описывать в терминах традиционной, классической/неоклассической социологии. Тем не менее «культурное» напряжение, внесенное постмодернизмом в социальные науки, нельзя назвать безобидным. Его дезориентирующий эффект эхом отдается не только в тех «неклассических» формах поведения в современном социуме, которые заслуживают названия «девиантных» и «нецивилизованных», но и в той сфере, которая относится напрямую к социологическому образованию, пронизанному сегодня постмодернистскими топиками, словарем и сюжетами.

Такова ситуация в самом сжатом изложении. Попробуем взглянуть на существенные моменты этой ситуации более внимательно.

* * *

Склонность современного общества придавать технике/техническому знанию все большее значение сформировалась, конечно, не сегодня. Этот «технологический детерминизм» триумфально шествует в ущерб именно гуманитарной природе человеческой цивилизации. В России тренд к умалению значения гуманистических дисциплин по ряду причин идет с заметным опережением мировой тенденции. По данным, например, ВЦИОМа, «самыми интересными для россиян областями научного знания являются технические достижения». Вместе с интересом к интернет-технологиям эта «технистская» склонность обнаружена у 67 % опрошенных. В то же время процент интересующихся тем, что происходит в сфере гуманитарного знания, незначителен: менее 7 % проявляют интерес к социологии и еще меньше — к философии (Современная наука: чем и кому она интересна? ВЦИОМ, URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111460>). Статистика этой диспропорции имеет свое «продолжение» в следующем малоприятном социологическом факте: сегодня число гуманитариев в России в расчете на тысячу человек значительно меньше, чем этот показатель в развитых странах. В частности, Англии по этому индексу мы уступаем в 5 раз, хотя «образованный класс» в этой стране традиционно отличается «перекосом» в технические,

естественные и математические науки (перспективы развития общественных и гуманитарных наук: законодательное и ресурсное обеспечение, URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-44656.html>).

Очевидно, что доминирование «технизации» науки — факт объективный и отражающий принципиальную особенность современной жизни, того современного *modus vivendi*, который безальтернативно требует рациональной линии во всяком профессиональном поведении. «Видимая» часть этого айсберга «технизированной цивилизации» в виде огромного мира артефактов (автоматизированные производственные линии, современные транспортные средства, архитектура современных городов, ИТ-продукция и проч.) — это та реальность, которая и дня не проживет без науки и рационального поведения тех, кто эту «цивилизацию» обслуживает. Понятно, что наука, или научное знание в этих условиях, принимает форму «технознания». Если традиционно наука ассоциировалась с поиском истины и объяснения того или иного явления, то сегодня научное знание добывается и используется с главной целью — быть технологическим инструментом в производстве «рыночного» богатства современной цивилизации. «Регулятивом научной деятельности становится не получение объяснения... а получение эффекта, который может быть воплощен в пользующуюся спросом технологию... На этом фоне пробуждается осознание того, что так называемая прикладная наука занимается теми проблемами, которые диктуются именно развитием технологий, при этом и по количественным масштабам, по финансовому и иному обеспечению, и по социальному признанию такая «обслуживающая» наука становится доминирующей» (Юдин, 2007: 80).

Ничего драматичного в этом факте научно-технического прогресса, конечно, нет. Более того, пока прогресс позволяет людям избавиться от «старой мерзости» истории, это развитие не вызывает, как правило, особой критической рефлексии. Проблематизация наступает, действительно, позже: «сова Миневры вылетает в сумерки». Тонкий момент этой проблематизации в следующем. Во-первых, «технизация» современной жизни протекает в такой «естественной» и «убедительной» форме, что всякая альтернативная оценка ситуации для массового, практического сознания почти непосильна. Во-вторых, «технизация» расширяется и углубляется за счет деформации гуманитарного пространства. В-третьих, в этом уподоблении *humanitas* если и выигрывает, то только тактически и в качестве прикладных дисциплин и сугубо конкретных исследований. Стратегически, смыслово и «принципно» — это чистое дезертирство.

* * *

Современное образование как одна из вершин культурного феномена испытывает на себе все текущие влияния процесса «технизации». И было бы, по меньшей мере, странным не замечать этого. «Программа» запускается, как и положено, «жизнью», «реальностью», «серьезными экономическими факторами». Современная «наука» перестраивается, принимая эту «программу». «Технонаука», в свою очередь, ориентирует высшую, а в чем-то и среднюю школу, на свой «инструментальный» и «операциональный» лад.

О «техноцентризме» науки сегодня говорят довольно много и справедливо. Наука была довольно быстро низведена со своего классического пьедестала и теперь, как объект заинтересованных и масштабных инвестиций, стала привлекательной в качестве прикладной науки. Это кластер биогенетических и фармакологических исследований, ИТ-разработок, экологической энергетики, авиастроения и космических технологий,

нанотехнологического направления и др. Именно на эти площадки устремлены инвестиционные капиталы и организационные усилия, независимо от происхождения — государственного или частно-корпоративного. Фундаментальная, академическая наука кормится с «остаточного принципа» или, в лучшем случае, в рамках международных проектов. У этого, казалось бы, неожиданного явления есть и свои причины, и «резоны». Фундаментальная наука настолько дразнит остальное сообщество виртуальностью своих теоретических конструкций (бозон Хиггса, теория суперструн, теория петлевой гравитации, концепция «темной материи» и др.), что оставляют впечатление бесконечных «игр разума» (Будущее фундаментальной науки, 2011). При этом выясняется, что экспериментальное подтверждение становится все дороже, что результируется в падении отдачи от этих фундаментальных исследований. Другой аргумент — это непонятность многих моделей даже братьям по научному цеху. Дж. Хорган, автор нашумевшей книги «Конец науки», пишет: «Большая часть современной космологии, в частности, аспекты, вдохновляемые теориями из физики элементарных частиц, объясняющими все, и другими эзотерическими идеями, на самом деле нелепа, или скорее это ироническая наука — наука, которую нельзя эмпирически протестировать или решить ее задачи даже в принципе, а потому это вовсе не наука в прямом смысле слова» (Хорган, 2001: 153). Отсюда и инвестиционный поворот в сторону прикладного естествознания, предполагающего мощную «технологическую» оснастку. Отсюда и доминирующая метафора техники/технизации как исчерпывающего образа всякой «науки» и всякого «научного мышления», то есть мышления в терминах позитивистской методологии. Очевидно, что для гуманитарных дисциплин, и для социологии в частности, это означает трудные, а подчас и непосильные испытания. Но продолжим о влиянии сегодняшней «прикладной» науки на образование, которое готовит кадры в духе и стиле «конкретных» дисциплин.

* * *

Лучше всего это можно наблюдать на Болонском процессе. Болонский процесс задуман с целью создания единого европейского пространства высшего образования. Проект предполагал расширение доступа к высшему образованию, дальнейшее повышение качества и привлекательности европейского высшего образования, расширение мобильности студентов и преподавателей. Что же сегодня говорят в порядке критики Болонского проекта?

Часто встречающаяся в прессе выражение о том, что «антиболонская» лихорадка захлестнула всю Европу, пожалуй, самая дипломатичная оценка ситуации. Если вы направляетесь без крайней нужды процесс естественно-технического, а тем более гуманитарного **образования** по маршрутам, которыми управляет организационно-бюрократическая и рыночная логика, то неприятных сюрпризов не избежать.

Российский исследователь М. Маяцкий проанализировал материалы западных авторов, посвященные Болонскому процессу по состоянию на середину 2000-х годов (Маяцкий, 2009). Болонская реформа, по его мнению, рассекла человеческий состав западного университета на две взаимоотторгающиеся части. Одна часть — это университетская профессура и часть студентов. Она верна идее университета, согласно которой, по словам Гумбольдта, «не профессора для студентов, а они все — для знания». Другая часть — бюрократы и менеджеры «образовательных услуг». Они излучают дух «эффективности», «успешности», «инноваций» и «динамизма». Европейские политики без всяких консультаций с заинтересованными лицами,

то есть с учеными, преподавателями, студентами, предприняли ряд шагов, которые привели в начале нового тысячелетия к включению высшего образования в список услуг GATS (General Agreement on Trade in Services) в рамках Всемирной торговой организации (Маяцкий, 2009). Это событие осталось незамеченным академической средой, между тем его последствия будут ощутимы, если не фатальны, для всей европейской университетской системы.

М. Маяцкий ссылается на «теорию необразованности» Конрада Лисманна (Liessmann, 2006): торжествующая «ориентация на жизнь» привела к униформизации университетских программ. Этот же фактор — «ориентация на жизнь» — работает на понижение университетской планки до уровня техникума. «Сильные» университеты могут позволить себе курсы выше «прожиточного минимума», «слабые» не подтянутся к уровню сильных: болонский процесс их удержит в зоне массово-рыночного спроса. В целом, по мнению многих аналитиков, реформа не удалась — во всяком случае, в том, что итоги явно не соответствуют ожиданиям.

* * *

Теперь вернемся к «контенту» современной социологии, к уровню и потребностям которой «пристраивается» образовательный курс «социология» в высших учебных заведениях. В значительной степени она стала максимально *прикладной*. Надо радоваться: социологическая мысль служит практическим интересам и нуждам. Но насколько наш социальный «новодел» отвечает критерию жизни, действительности, цивилизации? Не слишком ли плотно «прилипла» социологическая мысль к теперешнему социальному телу, ментальным «инобытием» которого она должна оставаться? Социология, как истинное знание, несет в себе «критику», воплощает в себе «образ» другого-не-только-наличного-существования. Если Знание, Истина имеют столь критически важную функцию, то мы вправе сказать, что не только «практика/жизнь/реальность есть критерий истины и знания», но в той же степени «истина и знание представляют собой критерий практики/жизни/реальности».

Сегодняшние заботы ведущих социологов — о репутации своей науки, в которой тенденция к «прикладничеству» вытесняет культуру теоретической социологии. По существу в этом пункте разошелся со своими французскими коллегами П. Бурдьё, когда говорил о «потворствующей» мысли в противоположность мысли критической (Бурдьё, 1994). Л. Болтански пишет о настоящем «смятении», которые многие испытывают от факта «паралича критики у социологов», причем именно в тот исторический момент, когда эта критика актуальна и востребована обществом (Болтански, 2011: 8). Хорошо известна программа реанимации «публичной» и «критической» социологии у М. Буравого: «Критическая социология пытается заставить профессиональную социологию увидеть присущие той предрассудки, умолчания... Критическая социология — это совесть профессиональной социологии, так же как публичная социология является совестью прикладной социологии... Слишком часто рынок и государство объединялись против человечества в проведении политики, широко известной как неолиберализм... Собранные социологами свидетельства действительно указывают на регресс в огромном количестве областей. При этом режим, управляющий нами, является глубоко антисоциологическим по своему духу и враждебным к самой идеи «общества»» (Буравой, 2008).

О том, что и социология «задолжала» обществу и должна вернуться в социум, говорит и М. Вивборка, находя этому «категорическому императиву» образное

и точное название «реституции» социологического знания (Вивьорка, 2009). Трудно не согласиться и с выводом известного отечественного социолога Л. Гудкова: «Главная трудность развития социальных наук в России <...> в неразвитости или слабости российского общества, не испытывающего нужды в соответствующем социальном знании или интерпретации происходящего» (Гудков, 2010: 106). Одним словом, сегодня в противовес «эмпирическому» прагматизму, в рамках которого работает «прикладная социология», становится все очевидней, что социология осуществляет самое себя, когда она «из плоскости регистрирующей науки» переходит «плоскость активной общественной силы» (Тощенко, 2000. *Философия, наука, социология* всегда, а сегодня тем более, стоят перед этой судьбой. Известный исследователь знания В. Лекторский написал об этом же и еще о том, что этому мешает в сегодняшней России: «Философия должна идти “в массы”, должна “обмирщаться”». К сожалению, многим людям сегодня не до философии, не до науки и не до культуры» (Наш философский дом, 2009: 418).

Очевидная неудовлетворенность социологического сообщества превращением их науки в «оппортунистическое» прикладничество и «протокольное документирование» реальности рождает надежду, что мультипликационный эффект по цепочке «наука — высшее/среднее образование» будет «своеобразным» возвращением к «классике образовательного жанра» и поэтому эффектом положительным.

Но прежде чем обнадеживаться в прогнозе о преодолении кризиса в современной социологии, необходимо обозначить размеры этого кризиса, для чего следует задаться вопросом: «К чему приводит постмодернизм в социологии?»

* * *

Прежде всего, проясним, отчего социологическое сообщество en mass так быстро соблазнилось постмодернизмом Лиотара, Бодрийяра, Делеза, Дерриды и др. Очевидно, что всем «заинтересованным лицам» надоела «классика» социальной мысли, марксизм многих разочаровал и, более того, своими «утопиями у власти» напугал и надолго дезориентировал левых и критически настроенных интеллектуалов. Со стороны гуманитариев-постмодернистов был предьявлен «аргумент от жизни»: изменилась де жизнь, поэтому возникла необходимость в новой, «постмодернистской парадигме».

Объявив классическую гуманитарную науку времен модерна ответственной за жесткий «дисциплинарнизм» мышления, логоцентризм, «эссенциализм», постмодернисты ввели в обиход модную тему эмансипации от «репрессивности» рационализма, борьбы против «внутреннего фашизма», который, по мнению, например, М. Фуко, власть поддерживает в каждом «подданном» с помощью господствующего языка-дискурса. Поэтому основатели постмодернизма ориентируются на совершенно иной язык исследования действительности, язык, свободный от «понятий», «категорий», «законов» как таких логических форм, в которых мышление схватывает «сущность» и «природу вещей».

Действительно, постмодернизм в социологии отказывается от прежнего языка социальных наук и предлагает другую, «нерациональную» эпистемологию. А в арсенал этих познавательных средств входит все, что работает на схватывание «единичного» (case), «отличия» и «сравнения» (difference), «повседневности» (everyday life; lebenswelt) и многообразия ее социокультурных «практик» (practics). Если лаконично резюмировать приобретения постмодернизма в этой части, то можно сказать, что

они добыты высокой ценой и явно искажением смысла всего познавательного процесса: делая объектом познания «единичность», «случай» и т. д., социологическая мысль теряет достоинство монизма и глубины. В результате акцент постмодернизма на уникальном, единичном, неповторимом оборачивается триумфом морального и эссенциального релятивизма, который оказывает плохую услугу этому «уникальному», «единичному».

Что касается результативности всей этой «эпистемологической революции», учиненной постмодернизмом, то приходится сказать, что печальная, но закономерная правда состоит в том, что сами инициаторы «постмодернистской волны» не рискнули дать свои социологические версии современного социума, изложенные в терминах их «новояза». Исключение, пожалуй, составляет Ж. Бодрийяр, за которым числятся достоинства критического описания позднего капитализма в стилистике постмодернизма. Однако, как выясняется, как социолог Ж. Бодрийяр по-постмодернистски слишком доверчив к реальности даже тогда, когда критикует ее с позиций своей *теории симулякров*.

Поэтому *первый вывод* напрашивается сам собой. Постмодернистская социология, пожертвовав логикой классического анализа, оказалась в плену совершенно «поверхностных» и «коротко живущих объектов», исследование которых не результативается в надежных теоретических построениях, которые, в свою очередь, не могут стать проектом и инструментом в том, что можно назвать «социальной инженерией». Отсюда — задачу серьезного осмысления явлений эпохи «постмодерна» взяла на себя не «постмодернистская» школа, а социология, работающая в терминах «традиционного», «классического» словаря научных категорий (Д. Белл, Э. Гидденс, Р. Коллинз, А. Этциони, П. Бурдьё, А. Турен и проч.). Да и сами постмодернисты, как это, например, случилось с Ж. Бодрийяром в его сочинении «Америка», когда нужно переходят с языка «метафор» на язык «институционального анализа» и солидаризируются с классикой.

Второй вывод касается того концептуального неблагополучия, которое связано с принципом «постмодернистского релятивизма». По этому поводу известный социологический авторитет Р. Коллинз пишет: «Социология и философия Лиотара подверглась сильной критике в основном с двух позиций: во-первых, его творчество нравственно сомнительно, поскольку не в состоянии дать читателю возможность дифференцировать ценность различных положений; вместо этого оно приводит все суждения в состояние эквивалентности. Во-вторых, путем объявления “конца политики” поощряется политическое примирение со статус-кво» (Большой толковый социологический словарь, 1999: 375). Это «примирение со статус-кво» означает принятие любого социального процесса или состояния как «приемлемого» и не имеющего превосходства перед «другим» процессом или состоянием.

Отсюда можно сделать *третий вывод* — вызов, брошенный постмодернистской социологией, оказался на деле социальным примиренчеством и «оппортунизмом».

* * *

Вспомним начало наших рассуждений: этос общественной науки, ее гуманитарная и цивилизационная составляющая заказывают характер образования и воспитания тех, кто готовится вступить в сферу научной работы и жизни. Поэтому тезис о всеядности, эклектичности, «оповседневничании», «примиренчестве с действительностью» и проч. — это тот тезис, после которого надо просчитывать гражданские,

образовательные и личностно-биографические последствия для молодого поколения, готового посвятить себя общественной науке и социологии в первую очередь.

Если социальная мысль есть не только отражение состояния общества, но и инструмент его конструирования и поддержания, то отсюда автоматически следует, что «постмодернистская социология» не жертва «постмодернистской реальности», но и драматург этой реальности. Сам по себе подобный диалектический круг не представляет собой предмет тревожной озабоченности. Проблема «порочного круга» возникает и задается с того момента, когда социальная мысль, начиная характеризоваться всеми атрибутами «постмодернистской парадигмы». В корпусе этой парадигмы, повторим, заложена доминантная установка, которая делает эпистемологическую и онтологическую ситуацию социума неблагоприятной. В обобщенном надо говорить о том, чего классическая и практикующая социальная мысль всегда избегала, — о релятивизации реальности.

Сегодня принцип постмодернистского релятивизма выражается формулой — «Все есть реальность». Если раньше сознание было как бы на чеку. И требовало от реальности «доказательств» того, что мы имеем дело с «трендом», «ходом историей», «подлинностью», а не «отклонением» или чистой «случайностью», то в постмодернистскую эпоху любая из «практик» сигнифицируется как «новая» и социология выбирает ее (эту «практику») в качестве объекта своего научного любопытства и тем самым легитимизирует ее в общественном сознании. Релятивистский принцип постмодернистской социологии «все есть реальность» означает, что классический критерий, по которому мы отличаем «подлинную» реальность от «мнимой», «нормальное» состояние от «патологического», «разумную» действительность от «неразумной», исчезает. Получается, что постмодернистский релятивизм «приводит все суждения в состояние эквивалентности», не различает «подлинного» от «неподлинного», «реального» от «виртуального», «цивилизованного» от «варварского». Образно выражаясь, такая социология «плывет по течению жизни», принимая все, «как есть», приминая все, как «кейсы», «случаи» и малые «нарративы». Такая социология именно «развалины» в «архитектуре» социума принимает за момент истины и никогда в масштабности, зрелости и полноте исторических и современных явлений не видит восхождения общества к своим подлинным характеристикам — свободе, справедливости, солидарности, человеческому смыслу и проч.

* * *

Постмодернизм в социологии, принимая объект исследования «как он есть и ничего более», не только сам «плывет по течению», он, как социальный фактор, ничего не может противопоставить в качестве концептуальной модели этому «самопотворствующему», «несамокритичному», «оппортунистическому» потоку жизни. В связи с этим не будет большим излишеством напомнить, что общество «устраивается» и «развивается» чаще всего в направлении «наименьшего сопротивления», поощряя «ситуационную этику», «моральный плюрализм и релятивизм». В обществе проектность как целеполагание хорошо обеспечивается, прежде всего, религией и политической идеологией. Исчерпание действенности этих инструментов всегда грозит социуму своеобразным «культурным нарциссизмом». Религиозное целеполагание и большой идейный проект на всем протяжении второй половины XX столетия, — все это перестало быть для большинства людей «ценностными ориентациями» и экзистенциальными смыслами. Похоже, что именно этой «безыдейной» эпохе и соответствует умонастроение, выражаемое в философии постмодернизма.

Но современная эпоха в действительности не лишалась полностью ни своей религиозной и культурной «проектности», ни социально-идейного «целеполагания». Если в постсовременных практиках моральные и повседневные ценности релятивизируются и размываются ситуационными критериями, то именно церковь продолжает, как умеет, держать планку «абсолютных» и «недевальвированных» императивов. Аналогичные и, можно сказать, героические усилия делает и культура, чтобы противостоять коммерциализации и опошлению в искусстве. В том же ряду «сопротивления» мы наблюдаем признаки социального «целеполагания» и социальной «проектности» и в сфере политики и политической мысли. Достаточно сказать, что на фоне сегодняшнего «неоконсервативного тренда» с его «теоретическим» обоснованием социального неравенства людей для гарантированности экономического и социального порядка растет и становится убедительнее программа политики социальной справедливости и солидарности демократического и либерального типа. Социологи уже отметили системное противоречие этого «последнего издания» современности: рыночная экономика движется «вправо», а общество все необратимее — «влево».

Мы наблюдаем, как начинают соревноваться и противостоять друг другу два отношения к реальности: 1) «безыдейное», «релятивистское», «эклкктичное», «пост-модернистское» и 2) «идейное», «проектное», «принципное», «классическое». Эта картина рождает ощущение *dejavu*.

* * *

Мысль о том, что дилемма «универсализм vs локальное», «идеальное vs реальное», «абсолютное vs релятивное», «всеобщее vs единичное» etc., возникает именно на крутых поворотах истории, — важна и принципиальна уже тем, что характер разрешения этой дилеммы в существенной степени определяет облик очередного этапа человеческой цивилизации. Этот факт заставляет нас еще раз подчеркнуть *образовательное и воспитательное* значение способности человеческого разума ориентироваться в диалектике «универсализма—релятивизма», делать выбор между волей к цивилизации и склонностью к движению «на понижение цивилизации». Всякое молодое поколение не отвечает за условия, которые оно застало от рождения, но несет ответственность за выбор модели того будущего, которое оставит после себя: либо это «релятивистское», свободное от моральных, политических и хозяйственных универсалий и принципов общество, либо это социум, ориентированный на цивилизацию в точном смысле этого слова.

* * *

Неожиданную руку помощи на этом распутье нам протягивает история русской общественной мысли. Дело в том, что на рубеже XIX—XX веков в России обозначился вопрос, аналогичный обсуждаемому. Речь идет о дискуссии, которая так или иначе присутствовала в работах выдающихся российских правоведов. Обратимся к трудам двух видных теоретиков права — отечественного корифея в области римского права И. А. Покровского (1868—1920) и теоретика либерализма Б. Н. Чичерина (1828—1904).

Область права важна для социолога как показатель «ментальной», философско-мировоззренческой, ценностной ориентации «образованного класса» в любом обществе. Область права — это то, чем общество должно дорожить как наиболее строгой и принципиальной системой понятий и категорий. Право не терпит суеты, «ситуационности» и релятивизма.

По поводу «ментальной» ситуации эпохи И. А. Покровский пишет: «Известно, каков был отправной пункт течения “свободного права”: закон не может предусмотреть всего, закон неизбежно отстает от жизни и поэтому надо предоставить суду большую свободу усмотрения, надо освободить его от обязанности выискивать, непременно выполнять «волю закона» там, где ее нет и не может быть» (Покровский, 1916: 4). Автор задает резонный вопрос: «Не разрушим ли мы этим самым необходимую для жизни вообще и в особенности для экономического оборота определенность и прочность права?» (Покровский, 1916: 4). И. А. Покровский находился в начале процесса релятивизации понятий, сметающего границу между правдой и ложью, справедливостью и несправедливостью и готов был возлагать надежды на лучший сценарий для общества. «...Заметное повсюду возрождение идеализма свидетельствует о том, что человечество стосковалось по абсолютной истине и абсолютному добру; оно живо почувствовало, что без света этих общезначимых ценностей оно “само себя потеряет”» (Покровский, 1916: 24). Однако если в европейских масштабах, да и в России до 1917 года дело так далеко не зашло, то после 1917 года как раз и свершился «зловещий фатум “свободного права”» (Покровский, 1916: 23).

В знаменитом сборнике 1918 года «Из глубины» И. А. Покровский, говоря о сокрушительных социальных последствиях «классового» прагматизма и «революционного» релятивизма, еще раз напомнил: «Необходимо твердо помнить известное правило: не на все то, в чем мы имеем интерес, мы имеем уже и право. Критерий права доминирует, таким образом, над критерием интереса и составляет такое понятие, без которого мы не можем ни мыслить, ни действовать» (Покровский, URL: <http://www.vehi.net/deprofundis/pokrovsky.html>).

Эта мысль о принципиальной важности «надэмпирического», «универсального» для устройства жизни, через которое просвечивает разумность, со всей ясностью звучала в работах другого выдающегося теоретика либерализма Б. Н. Чичерина. В работе «Философия права» он ставит диагноз модерну: «Метафизика была отвергнута как бред воображения, и единственным руководящим началом всякого знания и всякой деятельности был признан опыт... Последняя односторонность оказалась горше первой. Если идеализм, витая в облаках, предавался иногда фантазиям и действовал разрушительно на практику, то в нем самом заключалась и возможность поправки: под влиянием критики, односторонние определения заменяются более полными и всесторонними. Реализм же, лишенный идеальных, то есть разумных начал, остается бессильным против самых нелепых теорий. Именно на почве реализма социализм, в самых крайних своих формах, не встречая надлежащего отпора, более и более покоряет себе массы. Самое понятие о праве совершенно затмилось в современных умах. Оно было низведено на степень практического интереса, ибо для идеальных начал не остается более места» (Чичерин, 1900: 3).

Практика, сфера инструментов и средств, «борьба за существование», повседневность — все это имеет имманентную логику и диалектику развития. Область практической жизни, практических интересов не просто имеет характер принудительной силы, ее коварство не в этом. Она гипнотизирует и закрывает горизонты пространства «смыслов» и «ценностей». Материальная жизнь (включая технику и науку как «технознание») имеет тенденцию оставаться имманентной себе и даже становится «свирепой имманенцией», по выражению К. Леонтьева. Когда человеческое бытие зациклено исключительно на «материально-техническое снабжение», то в жертву легко приносится область «трансцендентного целеполагания». И религия, и мораль, и право, и социаль-

ная мысль, и критическая политэкономия, и философия — это языки, на которых говорят «идеальное», то есть еще не реализованное бытие, «то, чего не хватает».

Заразительны примеры, соблазнительные своей простотой и неприхотливостью. И. А. Покровский в своей статье «Перуново заклятие», повторяет *то слово*, которое как диагноз кризиса современной эпохи фигурировало на протяжении всего предложенного читателю текста. Это слово — *потворство*, это слово — *попустительство*. Наш соотечественник направляет свое осуждение по адресу революционной интеллигенции России тех лет: «Когда вы будете вспоминать обо всей той крови, которая пролилась благодаря вашему духовному попустительству, когда вы будете вспоминать об этих массовых избиениях ваших же ближайших братьев-интеллигентов, не будете ли вы слышать вокруг себя: “Каин, Каин, что сделал ты с братом своим?”» (<http://www.vehi.net/deprofundis/pokrovsky.html>).

Сегодня, наблюдая картину потворства и попустительства постмодернистской прагматике, релятивизации всего и вся, упрощению, варваризации, неприхотливости «оппортунистического поведения», не пора ли обрести способность произнести «Хватит!» — за Культуру, за Язык, за Мысль, за Истину, Доброту и Красоту как за абсолютные ценности надо постоять. В «классические», «идейные» времена жили с пониманием, что не всякая реальность есть действительность. Действительно то, что разумно, что соответствует «природе вещей», а не их искажению и деградации. Но именно этот мир и есть настоящая и абсолютная гарантия от добровольной децивилизации.

Литература

- Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976.
- Etzioni A.* The Active Society. N. Y., 1970.
- Liessmann K. P.* Theorie de Unbildung. Wien: Paul Zsolnay, 2006.
- Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. [*Bek U.* Kosmopoliticheskoye mirovozreniye. M.: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva, 2008].
- Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011 [*Boltanski L., Kyapello E.* Novyy duk kapitalizma. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011].
- Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1. М.: Вече, АСТ, 1999. [*Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar' (Collins).* Т. 1. М.: Veche, AST, 1999].
- Будущее фундаментальной науки. М.: Красанд, 2011 [*Budushcheye fundamental'noy nauki.* М.: Krasand, 2011].
- Буровой М.* За публичную социологию. URL: <http://publicsphere.narod.ru/Burawoy.pdf>. (дата обращения: 20.02.2014) [*Buravoy M.* Za publichnyuyu sotsiologiyu. URL: <http://publicsphere.narod.ru/Burawoy.pdf>. (дата obrascheniya: 20.02.2014)].
- Бурдые П.* Начала. М.: Socio-Logos, 1994 [*Burd'ye P.* Nachala. M.: Sotsio-Logos, 1994].
- Вивьорка М.* Некоторые соображения по прочтении статьи М. Буравого «Что делать?» // Социологические исследования. 2009. № 4. [*Viv'orka M.* Nekotoryye soobrazheniya po prochtenii stat'i M. Buravogo «Chto delat'?» // Sotsiologicheskkiye issledovaniya. 2009. № 4].
- Гудков Л.* Есть ли основания у теоретической социологии в России? // Социологический журнал. 2010. № 1. [*Gudkov L.* Yest' li osnovaniya u teoreticheskoy sotsiologii v Rossii? // Sotsiologicheskii zhurnal. 2010. №1].
- Джинер С.* Сомнительная победа: социологическое познание // Социологический журнал. 1995. № 2. [*Dzhiner S.* Somnitel'naya pobeda: sotsiologicheskoye poznaniye // Sotsiologicheskii zhurnal. 1995. № 2].

Маяцкий М. От Болоньи до Болоньи, или В тупике болонского процесса // Русский журнал [Электрон. изд.], 20.04.09 [*Mayatskiy M.* Ot Bolon'i do Bolon'i, ili V tupike bolonskogo protsessa // Russkiy zhurnal. [Elektron. izd.], 20.04.09].

Наш философский дом. М.: Прогресс-Традиция, 2009. [Nash filosofskiy dom. M.: Progress-Traditsiya, 2009].

Перспективы развития общественных и гуманитарных наук: законодательное и ресурсное обеспечение. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-44656.html> (дата обращения: 20.01.14). [Perspektivy razvitiya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk: zakonodatel'noe i resursnoe obespechenie (data obrascheniya: 20.01.14)].

Покровский И. «Прагматизм» и «релятивизм» в правосудии. Пг., 1916 [*Pokrovskiy I.* «Pragmatizm» i «relyativizm» v pravosudii. Pg., 1916].

Покровский И. Перуново заклътье. Из глубины URL: <http://www.vehi.net/deprofundis/pokrovsky.html> (дата обращения: 20.01.14). [*Pokrovskiy I.* Perunovo zaklyat'ye. Iz glubiny. URL: <http://www.vehi.net/deprofundis/pokrovsky.html> (data obespechenie: 20.01.14)].

Порус В. Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3167.html> (дата обращения: 20.01.14). [*Porus V.* Novaya filosofskaya entsiklopediya. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3167.html> (data obespechenie: 20.01.14)].

Современная наука: чем и кому она интересна? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111460> (дата обращения: 20.01.14). [Sovremennaya nauka: chem i komu ona interesna. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111460> (data obespechenie: 20.01.14)].

Тощенко Ж. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2. [*Toshchenko Zh.* Sotsiologiya zhizni kak kontseptsiya issledovaniya sotsial'noy real'nosti // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2000. № 2].

Хорган Дж. Конец науки. СПб.: Амфора, 2001. [*Khorgan Dzh.* Konets nauki. SPb.: Amfora, 2001].

Чичерин Б. Философия права. М., 1900. [*Chicherin B.* Filosofiya prava. M., 1900].

Юдин Б. Человеческий потенциал России: состояние и перспективы // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М.: Ифран, 2007. [Yudin B. Chelovecheskiy potentsial Rossii: sostoyaniye i perspektivy // Chelovecheskiy potentsial kak kriticheskiy resurs Rossii. M.: Ifran, 2007].

Янов А. Сколько на Земле цивилизаций? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5. [Yanov A. Skol'ko na Zemle tsivilizatsiy? // Rossiya v global'noy politike. 2006. № 5].

Science, education and we in the era of the “new pragmatism” and postmodernism

ALEXANDER G. SHCHELKIN

Doctor of Philosophy, Professor,
Leading Researcher in Sociological Institute, RAS, St Petersburg, Russia;
e-mail: evropa.ru@gmail.com

To be a “producing force” is not only role of a science. It has a capability to appreciate the “humane deals” from such main criterion as civilizational and existential senses, social equity etc. But up-today human and social sciences have two dangerous symptoms — technocentrism and postmodernism. Technocentrism means absurd “triumph of the means over aims”, the postmodernism exchanges the classic notion of a “normality” and “natural order” for an epistemological and ontological relativism suggested by “post-science”. The important warnings had been made by many representatives of Russian social thought before 1917 year — such as B. Chicherin (1828–1904), I. Pokrovsky (1868–1920) and so on.

Keywords: Science, Humanities, technocentrism, postmodernism, education, Bologna process, critical sociology, postmodern sociology, conniving, relativism, opportunism of postmodern thinking, I. A. Pokrovsky, N. N. Chicherin.